

Седьм дней — 2004 —
23 — 29 авг. — с. 56 — 61

ЛЮДМИЛА ПОЛЯКОВА: «ПЕРВОГО МУЖА ОТНЯЛА У МЕНЯ БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ, ВТОРОГО — ЗЛАЯ РЕВНОСТЬ»

Сняться в роли знахарки Собахи в фильме «Бумер» актрису долго уговаривали. «Зачем мне лезть в молодежные фильмы?» — отказывалась Людмила Петровна. Но теперь не жалеет, что согласилась на роль. Картина стала культовой, а актрису полюбило новое поколение зрителей. Приходит, например, заядлая «парильщица» Полякова в баню, а совсем юные девчонки, встречая ее, вскрикивают: «Ой! Вы из «Бумера»! Клево вы там сыграли, просто супер!»

С первым мужем Василием Бочкаревым в дипломном спектакле «Варвары». 1964 г.

С Владимиром Вдовиченковым и Андреем Мерзликиным на съемках фильма «Бумер»

— Людмила Петровна, не смущает вас этот молодежный «птичий» язык — клево, супер?

— Мой сын Ваня — диджей. Так что я на молодежные «словечки» нормально реагирую, ничего страшного. На съемках «Бумера» мне все ребята нравились — целое собрание молодых, красивых, талантливых людей. Два дня мы снимали в какой-то жуткой избе, из всех щелей сквозило, мы чуть ли не друг по другу ходили, такая теснота, но мне очень хорошо работалось с ними. Хотя и курили они, паршивцы, не переставая, а я дыма табачного не выношу... Очень приятно, что фильм получил такой резонанс. Ваня смешит меня, прикалывается: «Как это ты, мамуля, ловко в молодежную культуру вписалась!»

— Не боитесь, стало быть, экспериментировать?

— Это же главное в моей профессии. То, что я стала актрисой, — удивительный дар, который мне жизнь преподнесла. Я молодая была — жила в мечтах, жаждала романтики. Сперва после школы собиралась океанографом стать. Казалось, так чудесно —

изучать водные просторы. Потом увлеклась новой идеей: я зачитывалась «Испанским дневником» Кольцова и безумно хотела кого-нибудь спасти, что-нибудь грандиозное построить. Вот и собралась, не поверите, строить Братскую ГЭС. Во мне столько сил бурлило, думала: горы сверну! В райком комсомола соврала, что мне уже исполнилось 18 лет. Девушка я была рослая, мне поверили и записали на Братскую ГЭС, я даже получила «подъемные» деньги. На них купила рюкзачок, валенки, теплую кофту и томик Паустовского. Припрятала все и затаилась, как мышь, чтобы дома не догадались. Уже назначен был день отъезда, но я все-таки проговорила двоюродному брату — мои мама и тетя — и мы, дети. Брат груза тайны тоже не вынес, проболтался бабушке. Что тут началось! Бабушка меня чуть не прибила, кричала: «Лягу под поезд, через мой труп проедешь!» А я рыдала: «Я уже истратила деньги, вот кофта, вот валенки!» Бабушка побежала в райком, швырнула им деньги и приложила от всей души «по матушке»... «Отматывая» назад жизнь, как

киноленту, понимаю: бывают в ней такие моменты — как развилка на сказочной дорожке: в одну сторону пойдешь — смерть найдешь, а в другую — жизнь. Не поймай меня, дурочку романтическую, тогда бабуля, давно бы меня, может, на свете не было.

— И после этого вы выбрали романтическую профессию — артистки?

— Нет, не собиралась я в артистки, сомнения не хватало. Я же высоченная была. Даже сейчас считаю себя женщиной выше среднего роста, а тогда — какая артистка из такой «каланчи»? Я выучилась на стенографистку, потом работала в лесной школе, с детишками уроки делала, гуляла. Но однажды в один прекрасный день почему-то вдруг почувствовала себя ужасно красивой. И волшебная волна этого ощущения буквально внесла меня в театральное училище. Очнувшись я только через месяц после начала учебы, огляделась и поняла: вот мой настоящий дом. Здесь я буду и строить ГЭС, и учить, и любить.

Рядом со мной тогда и появился Вася Бочкарев. Мы с ним постоянно играли любовь в учебных отрывках и как-то не-

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

«Моему Ванечке исполнился год!»

заметно для самих себя стали неразлучны. Вася с самого начала стал мне родным. Я всегда была максималисткой, стремилась сразу определить: «мой» человек передо мной или нет. В наши с Васей отношения я бросилась как в омут, с головой.

— **Как же вы, такие молодые, жили «нерасписанными»? В те времена к этому строго относились.**

— Нам было на все наплевать. Пришлось, конечно, зарегистрировать брак, когда училище окончили и начали получать приглашения на съемки. В гостиницах не селили вместе без штампа в паспорте. Мы с Васей довольно быстро купили собственную двухкомнатную квартиру, заплатили первый взнос — две тысячи рублей, такую сумму для нас тогда вполне реально было заработать. Поступили мы оба служить в Театр Станиславского и стали жить-поживать, очень счастливые. Конечно, всякое бывало. Вася любил погулять, «погудеть». Но всегда гениально просил прощения. Помню, два часа ночи, а его все нет. Бегала по квартире, как тигр в клетке, думала: сейчас появится, и я его изметелю в клочья! Тут раздавался звонок, я кидалась к двери, распахивала: обязательно стоя на коленях, Вася протягивал мне цветы, или

- ТЕТ-А-ТЕТ -

фрукты, или игрушку какую-нибудь и в полный голос, как на сцене, трагически тягивал: «Прости-и!» Я не выдерживала, начинала хохотать. И так каждый раз, ну что с ним сделаешь! Я и сейчас очень люблю Васю. После долгих лет разлуки мы снова встретились на одной сцене, работаем вместе в Малом театре. Он — гениальный артист и замечательный человек.

— **Почему же вы расстались?**

— Сейчас мне кажется, что я сама во всем виновата. Мы восемь лет жили, не расставаясь надолго. Стоило уехать на несколько дней одному из нас — скучали безумно оба. Однажды я уехала на целых два месяца погостить у подруги в Братиславе. Тогда заграница была чем-то волшебным, как было упустить такую возможность? Вот я и не смогла отказаться. Когда вернулась, сразу, не заезжая домой, помчалась в театр, хотела мужу сюрприз устроить. Пробралась в зрительскую ложу, чтобы там подождать. На сцене мой муж со своей партнершей, молодой артисткой Наташей Варлей, репетировал «Прощание в июне». Я смотрела на них как за гипнотизированная. В душе сразу появилась уверенность: «Это не игра! Между ними все происходит по-настоящему!» Репетиция закончилась, я на ватных ногах прошла за кулисы. Навстречу шел Вася, раскрыв объятия. А я вдруг брякнула: «Васька, ты влюбился. У тебя — роман!» Он залился бордовым глупым цветом, стал бормотать, что я с ума сошла. Но глаза-то не спрячешь. Пришла я в тот день домой, а на полочках стояли мои любимые городецкие глиняные игрушки (Вася мне их повсюду покупал) и «в руках» держали плакатики: «Милчонок! Ты дома! Мы счастливы!» Но наше с Васей счастье кончилось. Разводу он сопротивлялся, утверждал, что любит меня по-прежнему, просто сейчас бешено увлекся. Самое смешное, что я его прекрасно понимала. Разве можно было не влюбиться в Наташу — молоденькую, сочную, как сейчас говорят, «сексапильную». Вася уговаривал: «Потерпи, Милка! Подо-

«Сейчас все уже далеко позади. А тогда... Забрали от меня моего Ванечку. Больше месяца не видела я своего сына, порой не была уверена, что он еще жив»

большое горло у куклы - это забавно.

«Мой Вася ушел к Наташе Варлей. Его прекрасно понимала: Наташа была вся такая «сочная», сексапильная. А на меня навалилось глухое бабье одиночество...»

жди немного!» Не дал нам Бог детей. Были бы, я, может, стерпела бы, а так? Мы пошли разводиться. Вася зачем-то подарил мне цветы. Мы оба выглядели беспомощно и глупо. Впоследствии оказалось: я была права, что не стала «терпеть» и «переживать». С Наташей Васин роман продлился шесть лет, ее сын, тоже Вася, моего бывшего мужа даже папой звал. Потом что-то у них не сложилось, и они расстались. А Вася женился на Наташиной подруге, у них родилась дочка...

— Вам после развода удалось наладить личную жизнь?

— Какое там! Я была в ужасе. Во-первых, жить без своего родного Васи я не привыкла. Как это — прийти домой, а его там нет? Во-вторых, на меня навалились материальные проблемы. Квартира-то не была оплачена полностью. Это Вася прилично зарабатывал, а я на тот момент получала какие-то гроши. И самое главное: мне уже исполнилось 34 года! Я просто-напросто ощутила глухое бабье одиночество. Думала: ну все, никому я не нужна.

Но тут в моей жизни случилась удача: я получила главную роль в спектакле «Продавец дождя». Москва шумела — спектакль получился интересный, я выглядела весьма эффектно. В спектакле есть сцена, где я медленно распускала волосы — а они у меня тогда были длинные-длинные... У меня появилась масса поклонников, меня заваливали цветами. В тот период я, мягко говоря, загуляла. Стала постоянно приглашать к себе шумные компании. Посиделки продолжались до рассвета. Так однажды с очередной компанией у меня в доме возник двухметровый красавец летчик, такой с виду быллинный Добрыня Никитич. Звали его Борис. Он почти не участвовал в общих беседах, молчал и глаз с меня не сводил. Так мое одиночество закончилось.

— Дальше все было как в сказке?

— Какое-то время, представьте, да. Боря умел произвести впечатление. Я была совершенно счастлива и безмятежна. Настолько, что когда обратилась к врачу по поводу, как я считала, какой-то дисфункции, он надо мной даже поиздевался. «Вам сколько лет, девушка?» — спросил. — До 34 лет дожили и не знаете до сих пор, как беременность проявляется?» Я давно поставила крест на мечте родить ребенка.

Осознать, что чудо произошло, сразу не могла. До того момента, как меня, «старородящего первородка», не отправили на ультразвуковое обследование. Врач приложил к моему еще плоскому животу какой-то приборчик, и на весь кабинет вдруг раздался оглушительный звук: «тук-тук-тук-тук». Я в ужасе заорала: «Доктор, что это?!» А он так нарочито, с пафосом, заявил: «Это бьется сердце вашего ребенка». Как я рыдала в тот день!

По тем временам рожать впервые в 34 года считалось опасным. Мне сразу «прописали» кесарево сечение, запугали, что могу не выносить ребенка, и я в ужасе залегла в больницу ждать положенного срока. Было настолько страшно, что уверила себя: я непременно умру. С кем тогда останется ребенок? И я предложила Боре расписаться. Настал назначенный день, Боря приехал за мной в больницу на такси. Сунулась в свой шкафчик за одеждой — а он закрыт. И нянечка с ключами как сквозь землю провалилась. Что делать? Нашла подходящую по комплекции медсестру, уговорила одолжить мне платье. В ширину оно мне подошло. А вот в длину оказалось чуть ли не выше колен. Позорище, но делать нечего, так и поехала. При этом на ногах у меня были надеты больничные тапочки, ведь босоножки «томились» в том же шкафу. Кое-как мы поженились. И... жизнь пошла кувырком.

— Вы настолько суеверны?

— Дело не в этом. Как только Боря узнал о моей беременности, потребовал, чтобы я оставила работу. Причем причиной этому была не забота обо мне и ребенке, а ужасная ревность мужа. Ревновал меня ко всем на свете, ему абсолютно не нужен был повод. Первый раз он ударил меня еще беременную. Отлетела я к стене и в то же мгновение осознала: ничего хорошего между нами не выйдет. Но решимости выгнать его мне тогда не хватило. Очень страшно было остаться опять одной. Потом я надолго легла в больницу, а когда родился Ванечка, вообще обо всем позабыла. Сын родился такой хорошенький, гладкий, розовый, как яблочко! Я с Ванечкой приехала домой абсолютно счастливая. Зашла в гости соседка, посмотреть на моего сыночка. И вдруг сказала: «Мила, что-то с ребенком не то». Откуда же мне знать, каким должен быть грудной

«Когда Ванечку выписали из больницы, меня честно предупредили: неизвестно, будет ли ребенок полноценным. Заговорит ли? Пойдет ли? Слава богу, и пошел, и заговорил сыночек вовремя. Потом подросток — пошел в школу. Сейчас мой Ваня — диджей, ведет дискотеки, дышит музыкой как воздухом»

младенец? Спасибо Ирине Петровне, вызвала врача. Выяснилось, что в роддоме нас с Ванечкой обоих заразили стафилококками. И у моего новорожденного сыночка уже развивался менингит!

Нет слов, чтобы рассказать про тот ужас. Нас с ним отвезли в маленькую больницу возле Белорусского вокзала, там было отделение микропедиатрии. Ванечку от меня забрали и поместили в барокамеру. Больше месяца я не видела сына, порой не была уверена, что он еще жив. Грудь у меня просто разрывалась от молока. Я по часам сцеживалась. Потом шла мыть полы, не могла сидеть на месте без дела...

Однажды одна медсестричка дала мне посмотреть на сына. Мой крошечный

мальчик, весь опутанный проводами, лежал под стеклянным колпаком, жалко свесив головенку, и смотрел «в никуда» пустыми глазами. Я рухнула на пол и завывала. Кричала: «Пусть он лучше умрет, не мучайте его больше!» Прибежала доктор, склонилась надо мной и вдруг стала с силой бить по лицу, приговаривая: «Ах ты, дрянь, артисточка! Твой ребенок борется за жизнь, а ты истерики закатываешь!» Я моментально пришла в чувство. Ее слова указали мне путь: я буду бороться за жизнь своего сына. Когда Ванечку выписали, меня честно предупредили: неизвестно, как ребенок будет развиваться дальше. Заговорит? Пойдет? Будет ли полноценным?..

Началась моя новая жизнь: массажи,

кормления, прогулки. И пошел, и заговорил сыночек вовремя, как положено. Потом подросток — пошел в школу. Увлёкся музыкой и сам попросил отдать его в музыкальную школу. Со временем музыка стала его профессией. Сейчас мой Ваня — диджей, ведет дискотеки, составляет свои музыкальные композиции. Дышит музыкой, как воздухом.

— *А Ванин папа вас поддерживал?*

— Не мешал бы... Борина ревность приобрела патологические формы. Он не верил, что мне, кормящей матери, да еще после пережитого ужаса с ребенком, нет дела ни до каких мужчин. Как-то нас пришли навестить Эммануил Виторган с женой Аллочкой Балтер, моей подругой. Все склони-

лись над Ваниной кроватью, стали ворковать. А Боря вдруг спросил: «На кого он похож, по-вашему? Аллочка, на кого из театра похож Ваня?» После ухода сконфуженных гостей Боря в приступе ревности набросился на меня с кулаками. Я успела позвонить свекрови, прокричала в трубку: «Тамара Ивановна, умоляю, заберите Борю!» И выскочила на черную лестницу. Тряслась там от холода, думала: что будет, если Ванечка проснется и заплачет? И еще боялась, как бы у меня молоко не пропало. А муж все бесновался. Нашим соседом по лестничной площадке тогда был Марк Захаров. Интеллигентный Марк Анатольевич пытался утихомирить Борю, но тот даже дверь не открыл. Ванечка, слава богу, спал

ТЕТ-А-ТЕТ

в своей комнате, как ангел. Помню, вышла я на балкон, 14-й этаж, занимался рассвет. Я стояла и думала: сейчас или вниз брошусь, или... Как у меня сил хватило взять себя в руки, не понимаю. Позвонила маме, она приехала и забрала нас с Ванечкой к себе. У мамино мужа незадолго перед этим случился инсульт, и она просто разрывалась между нами, но все-таки помогала чем могла, возила Ваню ко мне в театр, чтобы я его кормила. Спектакли я играла не так уж часто, но сцену не забросила. Надо было возвращать форму, зарабатывать на жизнь.

— Муж отказался вам помогать?

— Начать с того, что он отказался выехать из моей квартиры. Пришлось маминему мужу, едва оправившемуся от болезни, по-мужски поговорить с Борей. Уехать-то Боря уехал, но стал терроризировать меня телефонными звонками в любое время дня и ночи. Когда я узнала, что Боря снова женится, перекрестилась. При всем при том я считала, что не вправе лишать ребенка отца, никогда не препятствовала общению Бори с Ваней. Я, правда, не знала, что сказать сыну, когда он спросит, почему мы с его папой развелись. Однажды Ваня приехал от отца, мы почитали книжку, сели у телевизора. Сынок прислонился к моему плечу и вдруг сказал: «Мамочка, как хорошо, что мы с тобой вдвоем живем. Никто нам больше не нужен!» Выяснилось, что Ваня видел, как его отец ругался со своей матерью и... поднял на нее руку. Бог ему судья.

— Так вы и продолжали жить вдвоем с сыном?

— У нас никого не осталось. Десять лет назад не стало моей мамы, бабушка скончалась еще раньше, другие родственники потерялись еще со времен эвакуации. У меня были поклонники, случались романы, но... Я больше не верила в идеальный брак. Равно как и в любой другой. Стала просто растить сына и работать. Год назад Ваня женился, и наша семейная ситуация кардинально изменилась. У нас с сыном теперь... целый остров родственников!

Моя невестка, Мария Мерсе, или, как я ее зову, Мерсик, родом с испанского острова Менорка. А там все жители носят фамилию Алес Понс и приходится друг другу родней. У Мерсе только родных братьев и сестер пятеро! Мы гостили у новой родни. Испанского языка я не знаю, так что со своей сватьей Франческой, мамой Мерсе, мы общались жестами и взглядами. Она удивительно душевная женщина. Повела меня смотреть на внуков, детей старшего брата Мерсе, ангелов-близнецов, мальчика и девочку. Я так поняла: это она мне самое дорогое в жизни показала. Шли мы обратно, такие благостные, счастливые, и вдруг сватья затянула по-русски: «Калинка, калинка, калинка моя...» Я сперва растерялась, потом подхватила. Мерсе училась в Барселоне на факультете русского языка. Наверное, ее музыкальная мама слышала у дочки кассеты с русскими песнями и вот — запомнила. Не знаю, как мы дальше будем жить, боюсь загадывать. Пока Мерсе прилетела в Москву на целый год.

— *Сын вырос, женился, у него своя жизнь. Вам не одиноко?*

— Странно, но то, чего так боялась в молодости, сейчас не имеет никакого значения. Как нас волновали отношения «мужчина — женщина»! Есть отношения — ты счастлива, нет отношений — ты одинока и несчастна. Сейчас, в силу то ли возраста, то ли характера, я думаю абсолютно иначе. Прошла жизнь чувств? Ну что ж, она была по-своему прекрасна. Но теперь я люблю жизнь ничуть не меньше, чем в молодости. Обожаю читать, мечтать, путешествовать. Мне хочется успеть увидеть мир. В Италию вот собираюсь. Купила необыкновенную книжку об этой стране.

Представляю, обо мне могут сказать: «Из ума выжила от одиночества». Говорите что хотите, только это неправда. Когда перестаешь жить любовью к мужчине, получаешь шанс прожить еще одну жизнь, познавая себя. И это прекрасно.

Наталья ИВАНОВА

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

«Моя невестка Мария Мерсе — испанка. Не знаю, как мы дальше будем жить, а пока Мерсик прилетела в Москву на целый год»